

Предисловие

Состоявшийся 17–20 июня 2013 г. в Санкт-Петербурге IX Международный colloquium «Маленький человек и большая война в истории России. Середина XIX — середина XX в.», материалы которого публикуются в этой книге, — результат долгосрочного международного проекта под названием St. Petersburg International Colloquium in Russian History. Colloquium проводится с 1990 г. один раз в 2–3 года совместными усилиями историков России, США и Западной Европы.

Новизна colloquiuma 2013 г. заключается в повышенном внимании к малоизученным традиционной военной историей научным проблемам: отражение военных событий в самосознании человека и общества, особенности религиозного и национального самоопределения в годы военных потрясений, индивидуальное восприятие военной повседневности в тылу, на фронте и за линией фронта, а также в условиях ленинградской блокады. Эти актуальные для исторической науки вопросы, затрагивавшие эмоциональную сферу человека, участники colloquiuma анализировали на основе междисциплинарного подхода в широких хронологических рамках — от Крымской войны и до окончания Второй мировой войны. Проблематика была тесно связана с темой предыдущего colloquiuma 2010 г.¹

Организаторы конференции сознательно отказались от рассмотрения проблем традиционной военной истории — описания великих битв, биографий полководцев, царей и генеральных секретарей, от изучения военных технологий, реконструкции военной стратегии, тактики и т. п. В центре внимания находились малоизученные проблемы — жизнь и деятельность подавляющего большинства лиц, затронутых войнами: рядовых солдат и мирного населения. Участников конференции интересовали не только решающие моменты битв, но и «медленное время» войны: осады, сидение в окопах, в тылу, во время бомбардировок, и мирное время вообще, когда готовились все военные структуры, практики и условия для следующей войны, а также переживались последствия прошедшей войны. Затрагивались также гендерные

¹ Человек и личность в истории России, конец XIX–XX в.: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб.: Нестор-История, 2013. 660 с.

и медицинские аспекты, особенно вопросы маскулинности, насилия, а также религии и этничности.

В ряде докладов была предпринята попытка дать ответы на вопросы: как изменились гендерные роли и стереотипы в связи с растущим влиянием тыла и «домашнего фронта» в XX в., а также в связи с сексуальным насилием и массовой мужской инвалидностью? Какой отпечаток оставили в сознании солдата новые технологии войны? Какое влияние оказали национальная и религиозная принадлежность на ментальный космос солдат, на их восприятие войны и смерти?

Организаторы объединили в программе коллоквиума доклады представителей различных научных школ, которые уже предпринимали попытки уйти от традиционной военной истории. В России большой вклад в разработку новых подходов внесла школа военно-исторической антропологии и психологии. Среди докладчиков коллоквиума — основатель этой школы Елена Спартаковна Сенявская. В англо-американской научной сфере большая группа исследователей, причисляющих себя к течению *New military history*, среди прочего много внимания уделила разработке проблем символики и памяти. Это направление также представлено на конференции несколькими докладами. Немецкая группа из Тюбингена плодотворно занималась опытом войны, где опыт означал не непосредственный телесный опыт (*experience*), а опосредованный воспринятый опыт. Среди докладчиков — Игорь Владимирович Нарский, возглавляющий Челябинский центр культурно-исторических исследований Южно-Уральского университета, который тесно сотрудничает с тюбингенцами и продвигает подобные подходы на русском языке. Ну и конечно, на проблематику конференции оказало влияние такое новейшее направление историографии, как история эмоций, которое сделало предметом изучения эмоциональные аспекты военной истории, чувства стыда, страха и т. д.¹

Программа коллоквиума была сформирована по проблемному принципу, а обсуждение докладов проводилось в рамках двух крупных проблемных блоков: I. Война и общественное сознание; II. Военная повседневность и индивидуальное восприятие войны, которые в свою очередь были разбиты на 7 проблемно-тематических секций. Научную дискуссию в каждой секции открывали официальные комментаторы, которые задавали тон обсуждения.

Первая секция объединяла доклады, посвященные проблеме исторической памяти, в которых затрагивались вопросы об акторах политики памяти, а также о сообществах и институтах, формулирующих и реализующих свои коммеморативные проекты. При этом важным параметром, позволяющим сопоставить эти проекты, служил образ «маленьких людей», которые выступали и как субъекты истории и как носители памяти о войне. *В.В. Лапин* (ЕУ СПб, СПб ИИ РАН) в докладе «Имя маленького человека на борту большого корабля» осуществил историческую реконструкцию института наименования военных кораблей Императорского флота и показал, как изменялась политика памяти государства во второй половине XIX — начале XX в. Доклад *М.С. Федотовой* (ЕУ СПб, СПб ИИ

¹ Подробнее об этом направлении см.: Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Франко-рос. центр гуманитар. и обществ. наук, Герм. ист. ин-т; под ред. Яна Плампера и др. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 511 с.

РАН) «Нижние чины и Севастопольская оборона (1854–1856 гг.): Образ матроса Петра Кошки в культурной памяти дореволюционной России» представил попытку оживить ставший иконописным исторический портрет народного героя, вернуть ему качества реального человека со всеми воинскими доблестями и житейскими пороками. *Мария Ферретти* (Ун-т Витербо, Италия) в докладе «Две памяти об одной войне» исследовала противостояние памяти о Великой Отечественной войне — правды «окопной» и правды официальной — на разных этапах послевоенной истории России и предложила свою версию сосуществования двух правд о войне в эпоху перестройки, ельцинской демократии и современной России. Заслуживает внимания попытка автора поставить проблему в общеевропейский контекст. Вопрос о том, возможно ли формирование общей для всей Европы исторической памяти о Второй мировой войне, вызвал оживленную дискуссию, и к этой теме ее участники постоянно возвращались на протяжении всего коллоквиума.

Одним из главных условий выживания «маленького человека» на войне всегда являлась его принадлежность к какому-то большому сообществу, его национальная и религиозная идентичность. Эта мысль объединила доклады второй секции «Религиозное и национальное самоопределение». В докладах *Даниель Росс* (Назарбаев Ун-т, Астана, Казахстан) «Гог, Магог и аэроплан: Татарская народная литература как ответ на войну, 1914–1917» и *С.М. Исхакова* (ИРИ РАН, Москва) «Гражданская война в распавшейся Российской империи: К чему призывали шейхи и муллы?» исследована проблема сохранения этнокультурной и религиозной самостоятельности выходцев из «мусульманских ойкумен», которая не утратила актуальности и сегодня. Большой интерес вызвали нетрадиционные редко используемые источники, положенные в основу исследований. Оживленной дискуссией сопровождался доклад *Е.Е. Левкиевской* (Институт славяноведения РАН, Москва) «Человек на войне между Богом и атеизмом (по материалам воспоминаний участников Великой Отечественной войны)», в котором была предпринята плодотворная попытка прочтения этнолингвистом источника, анализ которого принято считать прерогативой историка. В ходе дискуссии прозвучала мысль о том, что войны имеют свойство активировать дремлющие и законсервированные проблемы, в том числе национально-религиозные, этнические, которые могут стать пусковым механизмом сепаратистских тенденций.

На обсуждение третьей секции «Пропаганда и общественные настроения» были вынесены доклады *Питера Валдрона* (Ун-т Восточной Англии, Великобритания) «Образ раненого воина в официальной пропаганде и общественном восприятии, 1914–1917», *Коллин Мур* (Индианский ун-т в Блумингтоне, США) «“Вино казенное, и мы казенные”: Крестьяне-призывники и запрет на продажу спиртных напитков в России в 1914 г.», *Стефана Визе* (Ун-т Гумбольдта в Берлине, ФРГ) «Погромы и проводы: От беспорядков призывников к еврейским погромам в период Первой мировой войны» и *Кристофера Струпа* (Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ). «Сытинская серия “Война и культура”: “Маленькие люди” и создатели негосударственной пропаганды войны, 1914–1917», которые объединил общий историко-антропологический подход к разрабатываемым темам. В ходе

дискуссии прозвучали как положительные оценки такого подхода, когда относительно небольшие по масштабу сюжеты позволяют исследователям судить о сложных общественных процессах, так и критические замечания, показывающие его ограниченность и необходимость привлекать более широкий круг источников.

Четвертая секция «Человек на войне» открыла обсуждение проблемы военной повседневности и индивидуального восприятия войны. Доклад *Е.С. Сенявской* (ИРИ РАН, Москва) «Человек на войне: опыт становления и развития военной антропологии (По итогам первого десятилетия XXI в.)» носил методологический характер. Хотя остальные доклады секции — *С.В. Адриайнен* (СПбГУЭФ) «“Солдаты... вели себя как в земле неприятельской”: Нижние чины российской армии и обыватели в 1854 г.», *В.Ю. Черняев* (СПБНИИ РАН) «Русско-японская война 1904–1905 гг. глазами младшего офицера российского флота: Письма барона П. В. Вилькена», *Е.Ю. Сергеев* (ИВИ РАН, Москва) «Человек в разведке: Морально-психологические особенности фронтовой разведывательной деятельности в годы Первой мировой войны», *Брэндон Шехтер* (Калифорнийский ун-т в Беркли, США; НИУ «Высшая школа экономики», Москва) «Винтовка и лопатка: Люди и вещи на войне, 1941–1945» — были посвящены конкретным историческим сюжетам в широком временном диапазоне, они ставили общую проблему соотношения индивидуального и коллективного военного опыта, психологии личности и социального коллектива, обращались к морально-психологическим аспектам военной повседневности. Обсуждение докладов концентрировалось в основном вокруг методологических проблем. В выступлениях звучала озабоченность изолированностью военной антропологии от традиционной военной истории. Была поставлена проблема соотношения таких направлений историографии, как историческая антропология, история повседневности и изучение ментальности, высказывались пожелания о необходимости сравнительных подходов и учета достижений антропологов, изучающих военную историю разных стран, подчеркивалась перспективность новых направлений в разработке военной антропологии, одно из которых было представлено докладом *Б. Шехтера*.

Пятую секцию «В тылу и на “домашнем фронте”» открыли три доклада, посвященные отдельным аспектам повседневной жизни гражданского населения в годы Первой мировой и Гражданской войн. *К.Е. Балдин* (Ивановский ГУ) в докладе «Повседневная жизнь российских рабочих-кооператоров в годы Первой мировой войны» отметил изменение роли и места кооперативов в жизни рабочих, серьезные перемены в составе участников кооперативного движения и формирование новой идентичности рабочего-кооператора. *Л.Н. Жванко* (Харьковская национальная академия городского хозяйства, Украина), представившая доклад «Женщина — беженка Первой мировой войны: Штрихи к психологическому портрету (на примере украинских губерний), 1915–1917», подвергла анализу гендерные и психологические аспекты проблемы беженцев. *А.Ю. Давыдов* (РГПУ им. А.И. Герцена, СПб) в докладе «Народ и советское государство в Гражданской войне в России: Противостояние в борьбе за хлеб» исследовал феномен мешочничества и отметил, что оно носило характер хорошо организованного движения.

Оживленную дискуссию вызвали доклады *К.М. Александрова* (СПбГУ) «По другую сторону колючей проволоки: Нацистская Германия и оккупированная Европа 1942–1945 гг. глазами советских беженцев и офицеров власовской армии» и *Ирены Салениеце* (Даугавпилсский ун-т, Латвия) «Жители Латвии и воины двух армий в годы Второй мировой войны», посвященные «иному опыту» Второй мировой войны — восприятию гражданским населением оккупационных режимов. Авторы показали неоднозначность исключительно негативных трактовок этого опыта. Многие участники дискуссии подчеркивали необходимость с большей критичностью относиться к положенным в основу исследований источникам и при их анализе шире привлекать методы смежных дисциплин.

Последний, четвертый день коллоквиума оказался богатым на жаркие дискуссии. Секции «Ленинградская блокада в восприятии горожанина», «Война и насилие» вызвали повышенный интерес. Вынесенные на обсуждение доклады затрагивали очень болезненные для современного общественного сознания темы.

В шестой секции удачно дополняли друг друга доклады *С.В. Ярова* (РГПУ им. А.И. Герцена, ЕУ СПб) «Ощущение голода в описаниях ленинградцев, 1941–1942», *В.Л. Пянкевича* (СПбГУ) «Декорации войны: блокадный Ленинград в восприятии горожан» и *Полины Барсковой* (Хэмпшир Колледж, США) «Блокадный “Невский проспект”: Чтение/движение/история в романе Анатолия Дарова “Блокада” (1943–1946)», реконструировавшие восприятие различных аспектов блокады: голода, городского пространства и движения в осажденном городе. Созданную этими исследованиями действительно впечатляющую картину кошмара наяву, в котором пребывали жители Ленинграда, уточнял доклад *Джеффри Хасса* (Ун-т Ричмонда, США) «Война и воспроизводство гендерных отношений: Случай блокадного Ленинграда», сосредоточившего внимание на процессах трансформации идентичности в гендерном аспекте, показавшего коренную перестройку практик поведения, а также изменение роли и самооценки женщины в блокадном городе.

Как и в предыдущей секции, в развернувшейся по докладам дискуссии ставились вопросы, связанные с выбором и методикой обработки источников, с критикой их полноты и достоверности, а также их способностью объективно отразить жизнь блокадного Ленинграда. Высказывались сомнения в правомерности распространять выводы, полученные на основе исследования частных сюжетов, на повседневную жизнь всего населения. Подчеркивались оправданность «жесткого» анализа, несмотря на болезненность темы, и необходимость выработки особого аналитического языка, способного, подобно скальпелю в руках врача, не только причинять боль, но и лечить раны травматической памяти, способствовать выявлению истины, какой бы горькой она ни была. Дискуссия в целом оказалась плодотворной и сопровождалась как постановкой методологических проблем, так и обозначением новых направлений в разработке обсуждаемой темы, способных определить место ленинградской блокады в контексте российской и мировой истории.

Насилие на войне в различных его аспектах стало темой докладов заключительной, седьмой секции коллоквиума. В какой-то степени их авторы в ином контексте возвращали участников дискуссии к темам, уже звучавшим ранее.

Доклад *Александра Сумпфа* (Страсбургский ун-т, Франция) «Российские инвалиды Первой мировой войны: Жертвы прошлого или современная социальная группа?» продолжал тему тяжелых социальных последствий войны в судьбах «маленького человека». *В.И. Мусаев* (СПБНИИ РАН) в докладе «“В чужом пиру похмелье”»: Гражданская война, послевоенный террор в Финляндии и русское население в 1918 г.» показал новые жесткие грани национального конфликта на примере Финляндии. Проблематика доклада *И.В. Нарского* (Центр культурно-исторических исследований Южно-Уральского ун-та, Челябинск) «“Жить страшно”»: Что воспринималось очевидцами Гражданской войны на Урале как проявления пугающей жестокости?» «рифмовалась» с дискуссией об опыте «страшного» в личных переживаниях человека. Проблема привыкания к смерти и насилию как к повседневному явлению в годы Гражданской войны отсылала дискуссию к поиску языка для описания подобного опыта.

Доклады *Маши Церович* (Центр Марка Блока, Берлин, ФРГ) «“Я вижу кровавое море, по которому плавают корабли, построенные из человеческих костей”»: Военный опыт советских партизан в Великой Отечественной войне» и *Керстин Бишль* (Ун-т Гумбольдта в Берлине, ФРГ) «Сексуальное насилие и повседневная жизнь: Рассуждения о Красной армии», поставившие в центр исследований наиболее острые и менее всего изученные формы насилия на войне, сопровождались не менее острой полемикой. Значительное место было уделено проблеме интерпретации источников, звучали предостережения об опасности отождествления поздних, а тем более современных эмоциональных реакций с теми, которые испытывал человек, непосредственно вовлеченный в связанные с жестокими формами насилия события. Дискуссия показала, что изучение проблемы насилия на войне нуждается в значительном расширении направлений поиска, в учете не только индивидуальной психологии, эмоционального состояния и поведенческих практик «маленького человека», но и целого комплекса социокультурных, ментальных, идеологических и нравственных установок, которые определяются общественным сознанием конкретной исторической эпохи. Характер дискуссии свидетельствовал о том, что историческая память о Второй мировой войне отличается разорванностью и травматичностью, что служит серьезным препятствием к складыванию общей для Европы памяти о войне.

Означает ли анализ случаев людоедства в блокадном Ленинграде, что исследователь отказывает в способности придерживаться высоких моральных норм другим гражданам? Говорит ли внимание к пьяным погромам призывников о желании принизить патриотический подъем в годы Первой мировой войны? Как оценить позитивное отношение определенной части населения к фашистскому режиму? Требуется ли расписывать зверства фашистов на территории СССР, прежде чем приступать к рассмотрению фактов изнасилований солдатами Советской армии в Германии, чтобы не быть заподозренным в германском реваншизме? Нужно ли избегать пафосности (героизации или трагедийности) в исторических исследованиях? Эти вопросы вновь прозвучали на заключительном заседании при подведении итогов дискуссии.

Дискуссия не дала — и не могла дать — однозначных ответов на поставленные вопросы, но она подтвердила необходимость глубокого, всестороннего

анализа и осмысления самых острых, болезненных и спорных исторических явлений совместными усилиями российских и зарубежных историков. Высказывая пожелания продолжить совместную работу, многие отмечали, что Международный colloquium по русской истории в Санкт-Петербурге сегодня является одним из немногих международных исторических форумов с участием не единиц, а десятков зарубежных ученых, который сохраняет русский язык в качестве языка международного академического общения, и эту традицию также необходимо беречь.

Санкт-Петербургский colloquium 2013 г. собрал представителей разных исторических школ и направлений, которые все вместе попытались сделать еще один шаг в разработке проблем нетрадиционной военной истории на основе междисциплинарного подхода и введения в научный оборот новых редко используемых источников. Представленные доклады вызвали оживленную полемику в ходе научной дискуссии. В общем, дискуссия оказалась плодотворной, она обозначила много точек соприкосновения у отечественных и зарубежных исследователей. Различия в подходах определялись не столько принадлежностью ученых к той или иной стране, сколько их тяготением к разным интернациональным научным школам.

Colloquium 2013 г. подготовлен Санкт-Петербургским институтом истории РАН, Северо-Западным отделением Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, Европейским университетом в Санкт-Петербурге и Голдсмитс Колледжем (Лондонский университет, Англия) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-01-14018 в рамках исследовательского проекта № 11-01-00152) и Фонда Фрица Тиссена (ФРГ).

Помещение для конференции предоставил Европейский университет в Санкт-Петербурге. Проведение colloquium было бы не возможным без деятельной поддержки сотрудников научных и технических подразделений Санкт-Петербургского института истории РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге, а также группы аспирантов-волонтеров под руководством Э.О. Сагинадзе.

В оргкомитет поступило около 100 заявок. Для участия в colloquium была отобрана 31 заявка, на конференции представлено 29 докладов, в том числе 15 докладов российских ученых и 14 — зарубежных.

Конференция продолжалась 4 дня. Официально было зарегистрировано 95 участников, в том числе 29 зарубежных (Англия, Германия, Израиль, Италия, Казахстан, Латвия, США, Украина, Франция). В ходе научной дискуссии прозвучало около 150 выступлений.

Традиционно большая часть времени colloquium была отведена научной дискуссии по затронутым в докладах научным проблемам. Доклады не зачитывались, они были доступны для предварительного ознакомления на сайте Санкт-Петербургского института истории РАН. Все участники colloquium накануне конференции получили также «Сборник научных докладов», напечатанный тиражом в 100 экземпляров. Авторам было предоставлено ограниченное время для краткого представления своих докладов. Даниель Росс (Казахстан), не имевшая